

бя сколько угодно. Так ведь не снимала же! А вот Толя решил жениться на мне до нашего знакомства. И, кстати, именно благодаря профессии своих родителей.

— *Уж не завербовать ли они вас пытались?*

— Да ну что вы! Наша история далека от джеймсбондовской. Толя и его сестра учились в Москве, за ними ухаживали гувернантки. Родители же бывали в Союзе редко, и всякий раз их непременно куда-нибудь запрягивали вместе с детьми. Объяснялось это просто: никто не должен был видеть разведчиков. В тот раз семью отправили на дачу Сталина на озере Рица. В таких местах всегда были маленькие кинозалы, кинопроекторы и новые советские фильмы. В один из вечеров семья села смотреть «За витриной универмага». «Какая «кьют!» — воскликнула, увидев меня на экране, мама. («Кьют» — это обаяшка.) «А хочешь, она будет моей женой?» — вдруг спросил Толя. В тот момент он, школьник, только собирался поступать во ВГИК. «Пощалуста! Дафай!» — ответила мама. Долгое время прожившие за границей, родители говорили по-русски с акцентом, и это отнюдь не было конспирацией.

— *Что же было дальше?*

— Родители уехали работать, а Толя поступил в институт, где и познакомился с «кьют». Люди, следившие за детьми Мукасеев в Москве, страшно переполошились. За границу тут же полетели позывные: «Толечка влюбился! Она старше его. Что делать?..» Пришлось Толе самому написать маме: «Это та самая обаяшка из фильма, который мы смотрели на озере Рица. Учтись на актерском факультете». Ну что оставалось делать родителям? Приехав в следующий раз в Москву, они предложили Толе и его старшей сестре сыграть две свадьбы сразу. Благословили обе пары и снова уехали. Кстати, брак Толиной сестры оказался таким же крепким, как наш. Может, потому что и Толины родители прожили вместе много лет? Сейчас папе 96 лет, маме — 92, но у них по-прежнему светлые головы, див-

ная память, они лучшие собеседники и до сих пор нам помогают. Мама, например, прекрасно справляется с работой моего секретаря...

— *Родители Анатолия Михайловича всю жизнь вместе, вашему браку — 45 лет. Существует мнение, что с годами любовь превращается в привычку...*

— Я не знаю, что такое любовь, и не знаю, что такое привычка. Мы и перед свадьбой не объяснялись друг другу в любви. Правда, через несколько лет меня практически заставили сделать признание, причем на защите режиссерского диплома.

— *Это еще зачем?*

— Моей дипломной работой был фильм «Зинка» по сценарию Бориса Можжаева. Это история любви, в которой снялись студентка Вика Федорова и приехавший из Читы к старшему брату Виталий Соломин. Мне казалось, они сыграли замечательно. Но у председателя комиссии Бабочкина были претензии. Я стояла на кафедре, а он все допытывался: «Я не верю, что парень и девушка любят друг друга. Разве так объясняются в любви? Вот как бы это сделали вы?» — «Я? Хорошо, сейчас вы станете свидетелем того, как на десятом году совместной жизни я буду объясняться в любви сидящему в зрительном зале мужу. Толечка, я тебя очень люблю, и доказательством тому — наши дети». Все заплодировали. Бабочкин был удовлетворен.

— *Дети, вероятно, выросли на площадке?*

— А куда ж их было девать? Кинематограф — наша с Толей жизнь, наша общая любовь. Поэтому про сыновей я говорю, что обронила их на съемочной площадке. Не было массовки — они выручали, снимались в небольших ролях. Мишка (Михаил Мукасей — оператор, клипмейкер. — Авт.), например, в десять лет снялся в «Дульсинее». Недавно увидел себя в этом фильме и рассмеялся: «Мать, что же ты меня мало снимала? Я был таким хорошеньким...» — «Снимала бы. Если б тебя не нужно было силой загонять в кадр. Тебе

МАРК ШТЕЙНЕК